

НЕКОТОРЫЕ “МЕТОДИЧЕСКИЕ” И МАТЕРИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯВШИЕ НА ГЕРМЕНЕВТИКУ ИСТОЧНИКОВ ИСТОРИОПИСАТЕЛЕЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Анализ средневекового историописания показывает, что оценка используемых хронистами материалов и критика источников в целом, как и герменевтика, не являлись тогда систематически решаемой проблемой. И оценка и критика следовали не научно вырабатываемой методике, а зависели от индивидуального определения историографом уровня правдивости привлекаемого документа. Правда, круг тех явлений, которые считались в минувшем возможными, соответствующими опыту, при этом был иным по качеству и гораздо более широким, нежели в современной исторической мысли. Чудеса как знаки вмешательства Господа в посюстороннюю каузальность имели, по крайней мере, функцию принципов бытия и, пусть с некоторыми оговорками, рассматривались как возможное событие, даже если о нем сообщал весьма сомнительный источник. Поэтому там, где они присутствовали, обычно отпадала необходимость искать «нормальные» причинно-следственные связи. Ибо Бог для средневекового верующего был сам по себе достаточно реальной *causa*. По той же причине не исключались из каузальности и деяния дьявола, также считавшегося неопровержимой реальностью¹. Толкования событий, покоящиеся на подобных воззрениях, как правило, не ставились под сомнение, но принимались как правильные и корректные. В качестве факта могло иметь вес и нечто совершенно сказочное, так как хотя *veritas* и *fabula* различались, но в конкретном случае это различие становилось зыбким. Можно сказать, что случившемуся в прошлом доверяли больше, чем явлению, совершившемуся в настоящем или в недавнее время (достаточно сравнить разделы любого тогдашнего исторического произведения, одни из которых посвящены более раннему, а другие – недавнему прошлому). В период классического средневековья эта тенденция усилилась еще больше в связи со слиянием ученой традиции и «ненаучного фольклорного предания» (прежде всего – в историописании на национальных языках, хотя дань этой закономерности отдала и латиноязычная историография)². «Фактология», элементы которой были невозможны хотя бы по ее историческим первопричинам (представляющимися нам рожденными из очевидных намерений и тенденций, сконструированными или просто выдуманными), рассматривалась как подлинная (вспомним хотя бы идею «Хроники» Эберсхайма о введении минестериалитета Юлием Цезарем). Несмотря на представления о линейности истории (или, лучше сказать, о поступательном ходе истории), в то время явно не существовало продуманного и обоснованного взгляда

на развитие, заключающегося в том, что не все оказывается возможным во все времена, и что какие-то вещи могут быть анахронизмами.

Критика начиналась только там, где разные источники высказывались противоречиво или по-разному об одном и том же факте. Конечно, от хронистов не следовало ожидать, чтобы они всегда вскрывали и не замалчивали эти противоречия и уж тем более, чтобы преодолевали их соответствующей аргументацией или демонстрировали ложность высказывания через другие высказывания. Как правило, историописатель ограничивался констатацией противоречия, предоставляя решение читателю³. Он, правда, мог искать и самостоятельный путь, принимая собственное решение – например, предпочитая, как хронограф, свои погодные расчеты данным источников. При этом некоторые авторы называли возможные причины появления противоречий в используемых материалах: путаницу в именах и названиях, разного рода заблуждения, скверное состояние используемой рукописи. Но для исправления ситуации такие авторы мало что могли сделать. Они не могли найти лучших по сохранности рукописей или дополнительных параллельных сообщений в других документах. Последние, впрочем, давали возможность решить проблему только тогда, когда источнику приписывался больший, нежели прочим, авторитет, или когда правдивость сообщения констатировалась благодаря неоднократному повторению его содержания. Таких возможностей выявления исторического факта, какие есть в современной критике источников, тогда не существовало даже в малой мере. Иными словами, реконструкция прошлого крайне зависела от случайностей ремесла историописателя.

Как правило, имела место склонность к нагромождению таких источников, которые друг другу не только не противоречили, но друг друга дополняли и поэтому через свои сообщения просто «нанизывались» один на другой, особенно при описании недавнего прошлого или при констатации того, что представлялось важным, а потому как важное и преподносилось. Превалировала не здоровая недоверчивость, которая могла быть преодолена только позитивным доказательством содержательной истинности сообщения, а принципиальное доверие, характерное сегодня для случаев прямого контакта между людьми, не испытывающих взаимной враждебности, или для отношения к авторитетным средствам массовой информации. С другой стороны, нагромождения источников наблюдаются и там, где они, весьма совпадая при сообщении тех или иных сведений (пусть даже при прямой зависимости друг от друга), оказываются дословно повторяющимися. Например, хотя Павел Диакон, создавая свою «*Historia Romana*», компилировал «*Romana*» Иордана, а тот – «*Historia*» Орозия, почти не меняя язык своего источника, Фрутольф при передаче соответствующего сообщения смешал воедино тексты всех трех авторов, как по языку, так и по содержанию⁴. Имеет ли место в данном случае использование «всех»

источников или согласование «нескольких сходных традиций» в качестве дополнительного доказательства достоверности и правдивости сообщения – задача для специалистов. В качестве особого случая разбираемого здесь явления можно оценивать наличие в руках компилятора нескольких рукописей одного и того же источника. Тогда возникала принципиально та же ситуация и те же возможности как и при контаминации рукописей. Например, тот же Фрутольф использовал обе сохранившиеся бамбергские рукописи хроники Иеронима.

В раннем средневековье историописатель был, как правило, монахом или клириком, при этом довольно редко занимая пост аббата, благочинного или епископа. Редко такой клирик находился и вне обители, например, при дворе короля. Принадлежность хрониста именно к этим сословиям выглядит естественной в то время, когда грамотность и образованность ограничивались духовенством (исключение – Италия и Византия). Принципиальный поворот имел место в XII в.⁵ Принадлежность историописателя к духовенству, однако, оставалась весьма желательной хотя бы потому, что время для подобных ученых занятий (как и жизнеобеспечение для него) предоставлялось прежде всего монастырями (где историописание оценивалось сродни занятию теологией и тем самым как духовное подвижничество). К тому же только в монастырях находились необходимые библиотеки, на базе которых обеспечивалось хотя бы элементарное образование, потребное для будущего хрониста. Формирование библиотек являлось не только вопросом интереса к книгам, но обладало и определенным материально-экономическим аспектом. Средневековая рукопись на пергамене, хотя бы в формате литургической книги (*missale*, *graduale* и т.д.), стоила недешево. Для рукописи в четверть листа (самый распространенный стандарт для историописателя) в 100 страниц требовалось от 5 до 6 кв.м. телячьей кожи, для литургической книги гораздо больше – 10 кв.м. и более. Автограф Фрутольфа потребовал около 20 кв.м. кожи. Домашние животные, чья кожа шла, естественно, не только на изготовление пергамента, как свидетельствуют, правда, лишь источники классического средневековья, стоили довольно дорого. Монахи Лампониева монастыря в X в. за 100 номисм (серебряная византийская монета) приобрели 33 буйволицы⁶. Жалобы на дороговизну книг раздаются из студенческих кругов с XII в.⁷ В середине XV в. техника изготовления книги была той же, что и в XIII в., цена на нее, в связи с ростом спроса, даже возрастала, хотя перенасыщение книжного рынка в отдельных регионах временами имело место. В 1419 г. труд из библиотеки Николя де Бай оценивался вдвое дешевле, чем тот же труд из библиотеки Робера Лекока в 1362 г.⁸ Разумеется, цены резко упали в связи с началом книгопечатания. Орозий стоил в 1337 г. 20 су и 2 су в 1508 г. Хроника Мартина Поляка стоила в 1337 г. 15 су и 12 денье в 1508 г.⁹ Однако фонды библиотек кафедральных капитулов в XIII–XV вв. оста-

вались бедными (до 200 томов)¹⁰. В библиотеке аббатства Сен-Клод в конце XI в. было 115 манускриптов, а в 1492 г. – всего 83; фонд этот не пополнялся веками¹¹. Такие фонды как в Сен-Дени (около 1600 томов в 1465 г.), в Клерво (более 1700 томов в 1472 г.) и в Лестере (более 1000 томов в 1496 г.) были редкостью¹². Конечно, с появлением бумаги производство книг в Европе стремительно выросло, но еще в XIII–XV вв. рукописи часто использовались как палимпсесты, а для записи примечаний в сводах использовалось любое свободное местечко.

Поэтому мелкие монастыри (абсолютное большинство всех обителей) обеспечивали себя лишь необходимейшими литургическими и теологическими книгами. Не удивительно, что центрами научной жизни (и тем самым – центрами историописательства) становились, как правило, наиболее крупные и богатые обители, способные найти или переписать наибольшее количество книг. Не будет преувеличением сказать, что экономический и научно-литературный потенциалы в периоды расцвета таких монастырей совпадали. Например, в Священной Римской империи статус имперских аббатств имели прежде всего монастыри, наиболее продуктивные в сфере культуры. В Райхенау к новому расцвету привела хозяйственная реформа, имевшая место при аббате Берне (1008–1048 гг.), в Корвейской обители – реформа при аббате Эркенберте (начало XII в.)¹³.

Историописатели, как правило, не располагали собой и материальными условиями монастыря для своей научной деятельности. Их работа зависела от позволения или от прямого поручения старших по иерархии (аббатов, епископов). Специалисты давно указывают на связь литературно-историописательской деятельности с режимом духовной деятельности монастыря в целом (например, с литературной работой самих аббатов или просто с «либеральным» отношением последних в отношении культурного подвижничества). Таковой была обстановка в Рейхерсберге при Герхохе, в Мельке при Эрканбольде, еще раньше в Корвейском монастыре при Адальхарде, в Фульде при Рабане Мавре. Поэтому очень важно учитывать посвящения историографических трудов кому-либо из таких лиц или упоминания соответствующего поручения. Другой причиной посвящений трудов епископам или светским владыкам (также как и создания этих работ по поручениям и просьбам) было очевидное участие подобных лиц в материальном спонсировании (оплата пергамена, краски, позолоты, камней и благородных металлов для обложки). Насколько важными были материальные моменты для появления ряда книг, демонстрируют сообщения о том, что монахи и каноники увеличивали фонды библиотек на частные средства¹⁴. Отсюда и возникновение многих литературных трудов раннего средневековья в основном в силу поручений знатных и авторитетных лиц. Этот же фактор определял ориентацию автора заказанного труда на вкусы и настроения определенного круга потенциальных читателей или

слушателей соответствующего текста. Отсюда следовало не изменение принципиальных концепций трудов (они, как правило, оставались ортодоксальными), а смена акцентов.

Постепенный поворот во внешних условиях работы историописателей произошел в Европе в XI–XIII вв., прежде всего в Италии и Византии, когда к литературной деятельности устремились светские лица, горожане, чиновники, иногда – военные (разумеется, при соответствующих конкретных социальных условиях). Внимание историописания при такой смене авторского корпуса эволюционирует в сторону современности или недавнего прошлого. История далекого прошлого (а значит, и соответствующая ей источниковая база) уходит на второй план¹⁵.

Сказанное ниже касается в основном хронистики (летописания) и тех частей исторических сочинений, которые посвящены далекому прошлому и которые преподнесены содержательно в *литературных* формах. На тогдашнюю историю современности и историю прошлого, переданную не в литературном виде, эти наблюдения без оговорок распространить нельзя. Ибо источниками для таких трудов была личная информированность автора через участие в описываемых событиях, современность их или извлечение сведений из уст и трудов надежных лиц. Разумеется, различия между такими сочинениями и хронистикой (наряду с сопутствующими ей жанрами) лежат не в плоскости надежности или достоверности, так как и те, и другие могли базироваться на источниках, формирующихся в устной форме или как *Zeitgeschichte*. Различия были, прежде всего, в условиях и методиках работы историописателей. Историографически, а также с точки зрения уровней тогдашней «научности» хронисты и историки далекого прошлого выглядели безупречней, нежели описатели современности, ибо их источники были известнее, неоднократно проверены и использованы в самых разных аспектах. Преклонение перед авторитетом и стариной, диктуемое опирающимся на непогрешимость Библии мировоззрением, также работало на приоритет хронографии. Историк современности как историк-ковед был, напротив, почти неконтролируемым. В большинстве случаев невозможно было сказать, как и в какой мере он выявлял и обрабатывал получаемую информацию, насколько корректировал в соответствии с определенными социальными и политическими интенциями, насколько интегрировал услышанное и лично пережитое. В то время как написанное историком далекого прошлого делает его высказывания перепроверяемыми, а связь его сообщений с реальностью (в отношении его источниковой базы) зачастую однозначна, то к историку современности это не имело отношения – ни в связи с качеством его источников, ни в связи с корреляцией их данных с реальностью. Для историка современности реальностью являлись его интенции, его произведение, которое конструировалось на основе определенных методик. Для историка-хрониста, напротив, гораздо

важнее его отношение к реалиям использованных источников¹⁶. С другой стороны, естественно, для обретения функциональных данных о современных событиях «новейшая история» уже тогда была гораздо важнее сочинения историка о далеком прошлом, пусть и затрагивающего те же хронологические рамки¹⁷. Но это не основной момент при рассмотрении тогдашнего историописания как такового. Но все-таки именно в указанных сравнениях выявляется то, что отношение истории современности к актуальной или к случившейся в недавнем прошлом реальности уже тогда рассматривали весьма критически. Сравнение различных, но синхронных сочинений по «новейшей истории» показывает, что в деталях, в декларированных следствиях событий и в каузальности проявляются такие различия, какие бросались в глаза каждому. Например, сообщения Рахевина, Оттона Моренского, Винсента Пражского, Миланского анонима и *Carmen de Gestis Frederici I. Imperatoris in Lombardia* о переходе Фридрихом I Адды в июле 1158 г. противоречат друг другу очень существенно и не позволяют однозначно судить о происходившем, хотя явно восходят к сообщениям очевидцев. Иными словами, для получения функциональных данных об определенном прошлом тогдашние «новейшие истории» (наряду с документами, актовым материалом и особенно тогда, когда таковые отсутствуют) – первейший и важнейший источник. Но их отношение к реальностям и к их источникам оставалось весьма неконтролируемым. Историописание давно прошедшего не могло дать большего для познания прошлого, нежели какая-либо соответствующая «новейшая» *fabula*. Но его отношение к информации, к источникам было методически однозначно доступным пониманию.

¹ См. об этом: Goetz H.-W. *Strukturen der spätkarolingischen Epoche im Spiegel der Vorstellungen eines zeitgenössischen Mönches. Eine Interpretation der «Gesta Karoli» Notkers von St.Gallen*. Bonn, 1981. S.62.

² Cp.: Treichler W. *Mal. Erzählungen und Anekdoten um Rudolf von Habsburg // Geist und Werk der Zeiten*, 1971. 26; Meredith-Jones C. *Historia Karoli Magni et Rotholandi ou Chronique du Pseudo-Turpin*. Paris, 1936; Wattenbach W., Schmale F.-J. *Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Vom Tode Heinrichs V bis zum Ende des Interregnum*. Darmstadt, 1976. I. S.77 ff.

³ Примечательны на этот счет соображения Фрутольфа: «В исторических рассказах бывает некоторая несогласованность. Ибо одни пишут так ... другие говорят напротив ... Согласие всех этих [авторов] как бы чувствуется, [а] рассмотрение вопроса в целом виде мы оставляем пытливым» (*Ekkehardi Uraugiensis Chronicon universale ad a.1106 // MGH SS. Hannoverae*, 1844. T.VI. P.54.60–61; 55.3, 17), «...вслед за кое-кем, но, без сомнения, вслед за теми, кто писал после Иосифа ... некоторые пишут обратное ... Но, представляя себе чуть ли не глупцами, не предполагая ничего не определять наобум, мы уходим от пишущих истории, как подобает, и оставляем исследование сего пытливым» (*Ibid.*, P.56.55–57; 57.5–7).

⁴ *Ibid.*, P.119.

⁵ См.: Барг М.А. *Эпохи и идеи. Становление историзма*. М., 1987. С.108–115.

⁶ Miklosich F.- Müller J. *Acta et diplomata graeca medii aevi. Vindobonnae*, 1880. IV. P.310.9–11.

⁷ См.: Haskins H. The Life of Medieval Students as illustrated by their Letters // Studies in Medieval Culture. New York, 1929. P.1–35.

⁸ См.: Aurand Fr. Les librairies des gens du Parlement au temps de Charles V // Annales, 1973. P.1226.

⁹ См.: Carolus-Barré L. Bibliothèque médiévales inédites d'après les Archives du Vatican // Mélanges d'archéologie et d'histoire de l'Ecole française de Rome, 1936. 53. P.330–377; Coyecque E. La bibliothèque d'un procureur en Parlement sous Louis XII (1508) // Bibliothèque de l'Ecole des chartes, 1939. 100. P.240–245.

¹⁰ См.: Thompson J.W. The Medieval Library. Chicago, 1939. P.458, 461; Dubled H. La bibliothèque Inguimbertaine de Campentras // Revue française d'histoire du livre, 1973. 3. P.125–174; Zathay J. La bibliothèque de l'église Notre-Dame de Cracovie à la fin du XIV^e siècle // Roczniki Biblioteczne, 1964. 8. P.19–31.

¹¹ См.: Castan A. La bibliothèque de l'abbaye de Saint-Claude du Jura. Esquisse de son histoire // Bibliothèque de l'Ecole des chartes, 1889. 50. P.301–354.

¹² См.: Thompson J.W. Ob.cit., P.308.

¹³ См.: Kaminsky H.H. Studien zur Reichsabtei Corvei in der Salierzeit // Veröffentlichungen der historischen Kommission Westfalens, X (Abhandlungen zur Corveyer Geschichtsschreibung, Köln, 1972. Bd.4). S.109 u.folg.

¹⁴ См.: Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. С.326–336.

¹⁵ См. об этом: Wattenbach W., Schmale F.-J. Op. cit. S.409 f.

¹⁶ По этой проблеме и ее методическому разбору см. рассуждения М. Шлука, особенно: Schluk M. Die Vita Heinrici IV. Imperatoris. Ihre zeitgenössische Quellen und ihr besonderes Verhältnis zum Carmen de bello Saxonico // Vorträge und Forschungen, 1979. Sonderbd.26. S.21 ff.

¹⁷ См.: Beumann H. Historiographie des MA als Quelle für die Ideengeschichte des Königtums // Historische Zeitschrift, 1955. 180. S.449–488.

Т. С. Космачёва

Оренбург

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ГОЛОДЕ 1921–1922 гг. В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

Основу объективного исследования проблемы голода 1921–1922 гг. в Оренбургской губернии составляет большой круг разнообразных источников, позволяющих проследить динамику развития голода и способы борьбы с бедствием. Главными источниками по проблеме являются неопубликованные архивные документы. Однако следует назвать обширную базу опубликованных источников, так как без них анализ проблемы голода 1921–1922 гг. не будет полным и объективным. Опубликованные источники представлены центральными и региональными сборниками документов, статистическими и информационно-справочными изданиями. Из них следует выделить сборник документов и материалов «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД». В первом томе, охватывающем 1918–1922 гг.,